

Глава вторая. ДУМА ЗА РАБОТОЙ

ТРЕТЬЯ ДУМА И ЕЕ ПРЕДСЕДАТЕЛИ

Годы, когда П. А. Столыпин возглавлял правительство, преимущественно пришлись на время работы Третьей Думы. Ее избрали в соответствии с новым законом, и состав народного представительства существенно изменился по сравнению с предыдущими созывами. Наиболее влиятельная фракция принадлежала «Союзу 17 октября» (у них было 154 депутата из 442). Это был думский центр. Все три председателя Государственной думы были октябристами: это Н. А. Хомяков (1907–1910), А. И. Гучков (1910–1911), М. В. Родзянко (1911–1912).

Первый председатель Третьей Думы Н. А. Хомяков поначалу вызывал симпатии и слева и справа. Сын отца-основателя славянофильства А. С. Хомякова, крестник Н. В. Гоголя и сам славянофил, он был прирожденным баринном, ленивым и добродушным, при этом остроумным и язвительным. Он не боялся быть собой, высказывать точку зрения, которая шла вразрез с точкой зрения собственной партии. Правда, он плохо разобрался в Наказе, однако, что делало ему честь, не стеснялся этого факта,

открыто консультировался с руководителем канцелярией Я. В. Глинкой. Правые смеялись над этим, что смущало скорее Глинку, чем Хомякова. Председатель успокаивал своего сотрудника: «Плюйте на это. Ведь ясно, для чего вы сидите. Не для того же, чтобы мне чесать затылок». В ноябре 1907 года октябристы долго уговаривали Хомякова баллотироваться в председатели. Он опасался, что не найдет во фракции серьезной поддержки. Так в итоге и случилось. Глинка отмечал, что сами октябристы «топили» Хомякова. Один из видных членов фракции Н. П. Шубинский стоял у президиума, указывая на Хомякова, и громко говорил: «Давно пора переменить». Товарищ секретаря Думы Н. И. Антонов стучал по пюпитру, выражая недовольство председателем. Лидеры партии хотели видеть в председательском кресле А. И. Гучкова.

Поначалу председательская работа хорошо давалась Гучкову. Глинка свидетельствовал, что он ведет «заседание очень хорошо, точно дирижирует большим оркестром, его „молодцы“ Лерхе, Крупенский и другие все время бегают к нему с донесениями о настроении фракций, о принятых решениях. Чувствуется сила. Зал спокоен». Гучков умело вел прения, выделяя главное, отсекая все лишнее и не позволяя ораторам говорить не по существу. «При докладе он очень ловко дает понять, что обстоятельства дела уже ясны и не требуют дальнейших пояснений, и заставляет вас, таким образом, переходить или к следующим доказательствам или предметам подлежащим обсуждению». Председатель мог исподволь влиять

на решение того или иного вопроса. В марте 1910 года Гучков задержал обсуждение законопроекта о Финляндии, распорядившись не раздавать его депутатам до обсуждения в Общем собрании.

Правда, впоследствии столь благоприятное впечатление от Гучкова померкло. Он с явным трудом сдерживал наиболее пылких думских ораторов. Громкие разговоры и беспрестанный шум продолжались, несмотря на его бесконечные замечания. Все это имело свои печальные последствия: «Разнузданность нравов и языка в Государственной думе с трибуны и с мест в настоящее время не знает пределов. Систематически проявляется неуважение как к самому учреждению, так и по отношению друг к другу. Государственная дума входит в поговорку, когда поднимается беспорядок или шум начинают, в обществе и на улице говорят: здесь не Государственная дума, я вам не член Думы».

При Гучкове многое изменилось в отношениях между думским руководством и министрами. Вопреки сложившейся традиции, он предпочитал беседовать с руководителями ведомств в министерском павильоне, а не у себя в кабинете. Многие заседания Думы Гучков не посещал. Вместо этого он писал записки министрам на листочках крошечного формата. Он писал их так много, что, по свидетельству того же Глинки, было совестно перед курьерами. Приходилось придумывать иные способы пересылки сообщений. Например, записки передавались через дежурного чиновника особых поручений при

премьеру или же через личного секретаря председателя Думы. Гучков и Столыпин перезванивались несколько раз в день. Председатель нижней палаты часто выполнял роль посредника между Столыпиным и различными общественными группами, организовывал встречи председателя Совета министров с делегациями из провинции.

Гучков занял пост председателя, рассчитывая на тесное сотрудничество с императором. Однако этот расчет не оправдался. За время их недолгого общения отношение царя к Гучкову резко ухудшилось. Сперва беседы императора с председателем Думы носили весьма доверительный характер. Так, в ноябре 1910 года они обсуждали самый широкий круг проблем, явно не входивший в сферу компетенции нижней палаты. Они говорили о внешнеполитических вопросах, Николай II рассказывал о своей недавней встрече с германским кайзером. Гучков, в свою очередь, жаловался на беспорядки в морском и военном ведомствах. Эта беседа имела практические последствия. На следующий день император вызвал к себе военного министра В. А. Сухомлинова, сообщил ему о замечаниях Гучкова, предлагая на них отреагировать. Гучков не сдержался и рассказал о своих победах Совету старейшин Думы. В результате слова Николая II стали достоянием широкой гласности, будучи даже опубликованными в газетах. По мнению Савича, именно тогда высочайшая оценка Гучкова радикально изменилась. Впоследствии Сухомлинов в докладах императору регулярно подчеркивал

вмешательство Гучкова в дела армии. Император же в ответ называл бывшего председателя Думы «подлецом» и не возражал против того, чтобы эти слова дошли до Гучкова. Встречи с ним он считал предосудительными, а одному из министров прямо говорил, что «Гучкова мало повесить».

Пока Гучков сидел в председательском кресле, его фракция постепенно распадалась на части. Раскол был усугублен событиями 1911 года, когда законопроект о введении земства в Западном крае (то есть на территории части современной Украины) был проведен в порядке чрезвычайно-указного права. Гучков, ушедший в отставку с поста председателя Думы в знак протеста против этого решения, считал, что октябристы должны были занять принципиальную позицию. Однако безусловный лидер «Союза 17 октября» оказался в этом вопросе в одиночестве. Абсолютное большинство его однопартийцев желали голосовать в пользу правительственной инициативы, которая, впрочем, изначально исходила именно от «Союза 17 октября». Возмущенный Гучков вышел из состава бюро фракции и вскоре уехал на Дальний Восток.

Практически шесть лет, вплоть до 1917 года, председателем Думы был М. В. Родзянко. Он имел высокое мнение о своей персоне, считая себя вторым человеком в империи. Родзянко полагал, что городские должны отдавать ему честь. Он и от депутатов требовал признания своего высокого звания. В ноябре 1913 года Родзянко сообщал сотрудникам думской канцелярии: «Ведь сегодня хоры будут ломиться от

публики. Всем, кому будут мною даны карточки, оказать содействие в получении мест. Ведь на меня идут, как на Шаляпина». Родзянко выражал недовольство, что правительственные телефонистки не спешили отвечать на его звонки. В 12 часов ночи он позвонил премьер-министру В. Н. Коковцову: «Владимир Николаевич, сделайте распоряжение, чтобы ваши телефонные барышни немедленно отвечали на звонок председателя Государственной думы». Коковцов был поражен: «Михаил Владимирович, вы в здравом уме и в твердой памяти?» Родзянко пришлось перевести разговор в шутку. Председатель Думы как подлинный государственный деятель много думал и о будущем. 19 февраля 1917 года, накануне революции, его волновал один вопрос: как организованы похороны председателя бюджетной комиссии М. М. Алексеенко? И чем траурная церемония будет отличаться от той, что будет организована в случае кончины самого председателя Думы?

Родзянко любил повторять: «Я председатель, я имею право». Председатель постоянно выражал недовольство поведением окружающих, которые проявляли недостаточное почтение к его персоне. «Я... крайне недоволен непочтительным ко мне отношением многих ваших чиновников, — отчитывал он руководителей канцелярии 11 мая 1912 года. — Так, я заметил, что они при встрече на улице мне не кланяются и не уступают дороги. Это крайне невежливо с их стороны и непочтительно к председателю Думы». Примечательно, что Родзянко практически не был

знаком с сотрудниками думского аппарата. И все же среди них были «любимцы» (точнее — любимицы) председателя. Глинка застал Родзянко, диктующим свой доклад. Это происходило в зале общего собрания Думы. Рядом с председателем сидели две любимые стенографистки и переписчица, которую Родзянко называл Дусей. Каждые три минуты председатель прерывался, рассказывал забавные истории, угощал сладостями, рассматривал туалеты, прически девушек. Он потребовал от них доказательств, что они не носят парики, и по этой причине поочередно дергал их за волосы, а те в свою очередь весело взвизгивали.

ДЕПУТАТЫ РАБОТАЮТ

В Думе существовало работоспособное ядро, которое несло основное бремя законотворческой деятельности. Понятно, что они составляли меньшинство. Большинство же никак не отметились в истории Думы. За все годы работы Третьей Думы 1 депутат из фракции правых выступал 374 раза на пленарных заседаниях, 1 прогрессист — 324 раза, от 251 до 300 раз выступали 2 депутата, от 201 до 250 — 3, от 151 до 200 — 7, от 101 до 150 — 11, от 51 до 100 — 48, от 26 до 50 — 54, от 11 до 25 — 78, от 4 до 10 — 92, 3 раза — 22 депутата, 1 — 48 народных избранников. 93 депутата Думы ни разу не выступили на пленарном заседании.

Еще более интересна информация о докладчиках. Один октябрист выступал с докладом 171 раз.

4 депутата выступали от 81 до 120 раз, 10 депутатов — от 40 до 80, 25 — от 21 до 40, 28 — от 11 до 20, 33 — от 6 до 10, 53 — от 3 до 5 раз, 33 — 2 раза, 39 — 1 раз. 261 депутат ни разу не выступил с докладом. За все время работы Третьей Думы октябристы сделали 1882 доклада, националисты — 341 доклад, кадеты — 150, правые — 141, члены польско-литовско-белорусской группы и польского кола — 85, правые октябристы — 60, прогрессисты — 55, представители мусульманской фракции — 10, трудовики — 9, беспартийные — 12. Члены социал-демократической фракции не выступали с докладами на пленарных заседаниях Думы. Такой фракционный перекоп вполне объясним: оппозиция не возглавляла думские комиссии и, соответственно, не участвовала в распределении докладов.

Депутаты не отличались особой дисциплинированностью. Нередко так случалось, что народные избранники подъезжали на извозчике к Таврическому дворцу, оставляли его у дверей, регистрировались (дабы избежать штрафа за прогул) и тут же уезжали домой. Некоторые из них расписывались в журнале на следующий день. В таком случае требовалось лишь найти соответствующий список в думской канцелярии. Проблема возникала при поименном голосовании. Тогда приходилось обзванивать мнимо присутствовавших по телефону и в срочном порядке вызывать их в Думу. В обычные дни депутатов насчитывалось 100–180 человек (для кворума требовалось 140). Изредка их число достигало 280. В период работы Третьей Думы «рекорд» был поставлен

в момент выборов А. И. Гучкова председателем палаты: тогда проголосовали 340 депутатов.

Особенно депутаты не любили ходить на вечерние заседания, что порой приводило к недоразумениям. Вечером 25 апреля 1912 года на заседании практически отсутствовал думский центр и было мало правых. В итоге, неожиданно для себя, решения принимала оппозиция. М. В. Родзянко, не чувствуя поддержки большинства, предпочел не мешать весьма дерзкому выступлению социал-демократа И. П. Покровского. В конце заседания в зале общего собрания оказался пьяный Г. В. Скоропадский (октябрист). Он непременно желал выступать с трибуны, что не вызывало восторга в президиуме. Но товарищи по фракции предложили ему «плюнуть на Думу и уйти лучше в буфет опохмелиться».

С приближением каникул — рождественских, пасхальных или летних — депутатов становилось еще меньше. В середине декабря и конце мая было чрезвычайно трудно обеспечивать кворум. К концу мая 1914 года, за месяц до окончания сессии, взяли отпуск более 100 депутатов. Недовольный Родзянко приказал отпуска не выдавать. Это возмутило депутатов, и председателю пришлось пойти на попятную. Буквально через несколько дней официально отдыхали уже 124 народных избранника. Сотрудники канцелярии Думы упрашивали по телефону Н. А. Хомякова приехать на заседание, а бывший председатель отвечал: «Ну их к черту».

Многие депутаты были так или иначе связаны с работами на земле: кто-то был земледельцем, а кто-то —

землевладельцем. Уже по этой причине им часто приходилось навещать родные места, чтобы контролировать ход полевых работ. Более всего депутатов волновали частные и региональные вопросы. Как вспоминал С. П. Мансырев, «большинство ограничивало свою деятельность хлопотами и ходатайствами о разнообразных, большей частью мелких нуждах своего района: какая-нибудь церковь, школа, железнодорожная ветка, а то и просьба по частному делу. Поэтому в общих собраниях и комиссионных заседаниях их почти не было видно: они являлись только тогда, когда их лидеры считали нужным мобилизовать все силы, и послушно голосовали по указке своих софракционеров. Прочее время они проводили в бесконечных посещениях разных канцелярий и министерств. А ведь таких было более четвертой части членов Думы».

Парламентарии «интеллигентных профессий» испытывали острую нехватку средств и нуждались в дополнительном заработке: депутатского жалованья им не хватало. Депутат Второй Думы Н. И. Иорданский вспоминал, как сразу после заседания, в 7 часов вечера, он по телефону диктовал статьи московской редакции «Русских ведомостей» (писал же он их во время самих заседаний). В Третьей Думе депутатам было назначено фиксированное жалованье в 4200 рублей. Однако в ряде случаев и его не хватало. Некоторым пришлось сложить с себя депутатские полномочия. Другие планировали найти дополнительный заработок: «За членами Думы не мелкого

калибра была большая погоня на должности всяких директоров, членов правления в финансовых предприятиях, очень охотно принимали их в состав сотрудников редакций всяких газет».

Немногие депутаты прославились на ниве законотворчества. У народных избранников не было не только опыта, но подчас и желания посвятить себя этому делу. Для большинства частные интересы стояли выше общегосударственных. Однако этот бесспорный факт не умаляет значения дореволюционной Думы и выборов в нее. Самая честная избирательная кампания не дает гарантий качества депутатского корпуса. Чаще всего выбирают не самых умных, не самых опытных, не самых талантливых. Здесь важнее другое: депутатов все же выбирают. Это их заставляет хотя бы изредка задумываться о собственной репутации в глазах избирателей, а значит — время от времени представлять региональные или корпоративные интересы, в том числе в диалоге с правительством. В то же время исполнительная власть помнит о выборах, а следовательно, так или иначе учитывает потребности различных групп населения. И самое главное: диалог правительства с депутатами разворачивается в публичном пространстве. За ним наблюдают газеты, а вместе с ними и вся страна. Конечно, не обо всем журналисты узнают. Многие от них намеренно скрывается, о чем-то они даже не могут догадаться. Однако даже то, что представляет верхушка «айсберга», вынуждает участников законотворческого процесса учитывать фактор общественного мнения.